

М. М. Бабаев

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
г. Москва, Российская Федерация

Ю. Е. Пудовочкин

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Темпоральные наблюдения объема и структуры преступности

Резюме. Обновление методологических основ российской криминологической науки может иметь одним из своих направлений активизацию гносеологического потенциала исторического метода. В рамках исторической криминологии преступность понимается не как застывшее число преступлений, совершенных в определенный промежуток времени, а как социальный процесс, наблюдаемый в течение этого временного отрезка. При этом исторический метод значим не только для познания динамики преступности как целого. Он может быть использован и для корректировки, уточнения имеющихся представлений о ее внутренних характеристиках. В частности, подключение исторического метода для исследования традиционных количественных показателей преступности — объема и структуры — открывает перед исследователями новые возможности. Актуальный объем преступности при таком подходе должен определяться настоящим (преступлениями, которые совершены и выявлены в текущий момент), прошлым, которое надо помнить (латентными преступлениями), и прошлым, которое надо забыть (деяния с истекшим сроком давности и декриминализованные). Структура преступности при ее историческом анализе предстает как комбинация относительно самостоятельно изменяющейся «стабильной» и «вариативной» ее частей. Точкой соединения прошлого и будущего в объеме и структуре преступности выступают криминогенные свойства ее социальных последствий, раскрывающие себя в механизме ее самодетерминации. При этом исторический срез этого механизма включает в себя детерминирующее воздействие последствий прошлых преступлений и страха перед будущей преступностью. Уточненные посредством исторического анализа данные о состоянии, структуре и последствиях преступности могут не только корректировать сложившиеся теоретические представления о ее опасности, но и существенным образом влиять на наши представления о реальном объеме профилактической и правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: историческая криминология; методология криминологии; исторический метод; преступность как процесс; изменение преступности; объем преступности; структура преступности; последствия преступности; объяснение преступности; опасность преступности

Для цитирования: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Темпоральные наблюдения объема и структуры преступности. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 61–74. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.061-074

Temporal Observations of the Scope and Structure of Crime

Mikhail M. Babaev

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Yuriy E. Pudovochkin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Because of updating the methodological foundations of Russian criminological science, an epistemological potential of the historical method can be revived. Within the framework of historical criminology, crime is understood not as a fixed number of crimes committed in a certain period of time, but as a social process observed during this time period. At the same time, the historical method is important not only for understanding the dynamics of crime as a whole. It can also be used to correct and clarify existing ideas about its internal characteristics. In particular, the use of the historical method to study traditional quantitative indicators of crime — scope and structure — gives researchers new opportunities. Under this approach, the actual scope of crime should be determined by the present (crimes that have been committed and identified at the moment), the past that must be remembered (latent crimes), and the past that must be forgotten (expired and decriminalized acts). The structure of crime in its historical analysis appears as a combination of independently changing «stable» and «variable» parts of crime. The point of connection of the past and the future in the scope and structure of crime represent criminogenic properties of crime social consequences, revealing themselves in the mechanism of its self-determination. At the same time, the historical cross-section of this mechanism includes a deterministic effect of consequences of past crimes and the fear of future crime. The data on the state, structure and consequences of crime, clarified through historical analysis, can not only correct the prevailing theoretical ideas about crime's danger, but also makes a significant contribution into our ideas about the real scope of preventive and law enforcement activities.

Keywords: historical criminology; methodology of criminology; historical method; crime as a process; change in crime; scope of crime; structure of crime; consequences of crime; explanation of crime; danger of crime

Cite as: Babaev MM, Pudovochkin YuE. Temporal Observations of the Scope and Structure of Crime *Lex russica*. 2024;77(3):61-74. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.061-074

Введение

Важным и традиционным подходом к изучению преступности является измерение ее объема и структуры. «Измерение преступности сводится к тому, что все индивидуальные факты криминогенного поведения, совершающиеся в определенном географическом пространстве и в определенный промежуток времени, делят на отрезки (и участки), в рамках которых подсчитывают случаи преступлений или лиц, подозреваемых в преступлении»¹. Научкой апробировано множество показателей для измерения преступности: объем, структура, различные коэффициенты. Все они, вне сомнений, информативны, необходимы для исследования и оценки преступности. И все они дают представление о количественных характеристиках преступности

как о неподвижном объекте, в известной степени игнорируя ее перманентное движение во времени.

Существенным дополнением имеющихся подходов к измерению преступности может служить ее понимание в качестве развивающегося во времени объекта, процесса, который в каждый конкретный момент сочетает в себе наследие прошлого и зачатки будущего состояния преступности. Такой взгляд не отрицает и не подвергает сомнению устоявшиеся методические приемы, но, как представляется, позволяет дополнить результаты их применения новой криминологически значимой информацией.

В рамках настоящей публикации едва ли можно осветить все аспекты заявленной темы. Потому мы ограничимся решением более скромной исследовательской задачи: показать

¹ Шнайдер Г. Й. Криминология / пер. с нем. Ю. А. Неподаева ; под ред. Л. О. Иванова. М. : Прогресс, 1994. С. 102.

на примере некоторых характеристик преступности возможности ее темпорального «препарирования» и вычленения в ее содержании элементов прошлого и будущего, их соотношения и движения.

Объем преступности

Объем преступности традиционно воспринимается как число преступлений, совершенных в некоторый момент на определенной территории. Число это включает в себя зарегистрированные и латентные преступления. В 2022 г., согласно официальным источникам, было зарегистрировано 1 966 795 преступлений. Объем латентности преступности оценивается специалистами по-разному, но в качестве надежного ориентира можно использовать данные о том, что он в 5–7 раз выше объема преступности зарегистрированной². С учетом этого обстоятельства число совершенных в 2022 г. преступлений можно оценить в 12 млн.

Увязка объема преступности с числом совершенных деяний — общее место всех криминологических теорий. Вместе с тем криминологи закономерно стремятся к тому, чтобы отойти от подчеркнуто статистического (математического) восприятия преступности и привнести в него некий деятельно-оценочный компонент. Неявно такие попытки отражают стремление примирить онтологическое и конструктивистское представление о преступности, поскольку признание какого-либо реально существующего вредоносного и опасного деяния преступлением есть результат совместной работы законодателя и правоприменителя. Столь же неявно эти попытки выявляют темпоральную много-сложность объема преступности, наличие в нем компонентов прошлого и будущего.

Так, в представлениях М. П. Клейменова весь массив фактической преступности с точки зрения реакции на него со стороны государства распадается на три блока: раскрытая, нераскрытая и латентная преступность³. Акценти-

руя внимание на этих компонентах, он пишет: «Выявленная раскрытая преступность со статистической точки зрения является периодической (складывается из числа преступлений, зарегистрированных и раскрытых в отчетный период). Нераскрытая и латентная преступность имеет кумулятивный характер (слагается из преступлений в пределах их сроков давности)»⁴. Следовательно, пишет автор далее, размер преступности в каждый отдельный год должен определяться с учетом аккумулирующихся показателей нераскрытой и латентной преступности. «Это как раз то количество преступлений, по которым должна осуществляться оперативно-следственная работа. Именно данное статистическое множество должно выступать основой для выведения показателей раскрываемости и иных параметров профессиональной деятельности»⁵.

В представленной позиции обращает на себя внимание крайне важный для освещения нашей проблемы момент: наследование общим массивом преступности текущего года некоторых компонентов массива преступности прошлых лет. И хотя М. П. Клейменов, на наш взгляд, не вполне точен, предлагая включать в ежегодный массив преступности не только зарегистрированные и латентные, но также зарегистрированные нераскрытые преступления прошлых лет (тем самым подменяя в некотором смысле преступность как массив совершенных преступлений преступностью как массивом деяний, в отношении которых должно быть завершено предварительное расследование), сама идея кумулятивного учета преступности является весьма плодотворной.

В ее развитии вполне уместно совместить два концепта: преступность, понимаемая как массив преступлений, и время, а точнее — такой связанный с социальным временем феномен, как память. Признавая деятельность человека основным содержанием социального времени, специалисты отмечают: «Взаимосвязь времени человеческого бытия и памяти состоит в сохранении ею результатов деятельности

² См.: *Иншаков С. М.* Латентная преступность как объект исследования // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2009. № 1 (16). С. 122 ; *Лунеев В. В.* Курс мировой и российской криминологии : учебник для вузов : в 2 т. М. : Юрайт, 2020. Т. 1 : Общая часть : в 3 кн. Кн. 2. С. 14.

³ *Клейменов М. П.* Снижается ли преступность в России? // *Вестник Омского университета.* Серия «Право». 2018. № 1 (54). С. 158 ; *Он же.* Феномен нераскрытой преступности // Там же. 2013. № 1 (34). С. 173–179.

⁴ *Клейменов М. П.* Криминология : учебник. М. : Норма, 2018. С. 54.

⁵ *Клейменов М. П.* Криминология. С. 54–55.

людей, воспроизведении прошлого опыта и включении его в актуальное бытие. <...> Отсюда прошлое — состояние снятой деятельности, выступает в двух видах: прошлое — исток и прошлое — след. Настоящее представляет собой диалектическое единство актуальной деятельности и социального опыта»⁶.

Именно значимый для актуального состояния практики борьбы с преступностью «след прошлого», понимаемый как массив ранее совершенных, но не получивших официальной реакции преступлений, для криминолога представляет особый интерес. Уточняя позицию М. П. Клейменова, мы говорим сейчас не о преступлениях, по которым должно быть завершено расследование, а о преступлениях, которые в принципе могут и должны получить реакцию со стороны государства. Память (если можно выразиться — «государственная память») об этих преступлениях не позволяет оставить их в прошлом. Они наследуются настоящим, образуя вместе с массивом новых преступлений, совершенных в течение года, тот объем криминального поведения, который следует считать актуальной преступностью — объемом, который государство удерживает в своей памяти и в текущей правоприменительной деятельности.

Поскольку важнейшее свойство памяти — не только сохранение, но и забвение информации, уголовный закон устанавливает вполне четкие временные границы памяти о преступлениях, устанавливая для различных их видов различные сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Помимо этого, надо учитывать, что некоторые прошлые преступные деяния со временем перестают восприниматься государством в качестве опасных и требующих уголовно-правовой реакции. В этом случае уголовно-правовое забвение приобретает форму декриминализации.

С учетом этих уточнений текущий актуальный объем преступности в первом приближении можно представить в виде суммы трех компонентов:

- преступления, совершенные и выявленные в текущем году;
- латентные преступления прошлых лет, выявленные в текущем году;

— разница между суммарным числом выявленных латентных преступлений текущего и прошлых годов с одной стороны и числом преступлений, по которым истек срок давности или которые были декриминализированы, с другой.

Актуальный объем преступности при таком подходе определяется: настоящим (теми преступлениями, которые совершены и выявлены в текущий момент), прошлым, которое надо помнить (латентными преступлениями), и прошлым, которое надо забыть (деяния с истекшим сроком давности и декриминализованные). Это, собственно, тот массив преступлений, с которым обществу необходимо считаться и с которым правоохранительным органам необходимо работать на основании уголовного закона.

Вместе с тем содержание преступности определяется не только настоящим и прошлым. Любое настоящее в скрытом (потенциальном) виде содержит в себе также элементы будущего. Этот тезис дает дополнительные возможности для понимания объема преступности.

Здесь целесообразно обратиться к концепции «криминологического преступления» и «мнимого преступления», разработанной Д. А. Шестаковым⁷. Первое есть деяние опасное, но не обладающее признаком уголовной противоправности. Второе, напротив, формально преступное, но не представляющее реальной опасности. Совмещая эти рассуждения с темпоральной структурой объема преступности, можно говорить о том, что «будущее в настоящем» применительно к содержанию преступности представлено как минимум в двух ипостасях, а актуальный объем преступности может корректироваться: во-первых, за счет включения в него деяний, которые потенциально должны быть криминализованы; во-вторых, за счет исключения деяний, которые из-за отсутствия общественной опасности либо должны быть декриминализованы, либо могут быть признаны судом малозначительными.

Таким образом, разрабатывая собственные представления о преступности, М. П. Клейменов и Д. А. Шестаков, пусть не прямо, но, на

⁶ Барсукова Т. И. Социальная память и время : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1991. С. 9–10.

⁷ Шестаков Д. А. Криминология : Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. С. 144–149.

наш взгляд, вполне отчетливо, стремятся учесть ее подвижные темпоральные характеристики, что, вне сомнений, способно корректировать общую оценку состояния преступности в каждый конкретный момент⁸.

Настоящее и прошедшее,
Вероятно, наступят в будущем,
Как будущее наступало в прошедшем.
Если время всегда настоящее,
Значит, время не отпускает.

Подобная корректировка, ведущая к безусловному увеличению объема преступности, наводит на некоторые поэтические сравнения. Так, известный английский поэт Томас Элиот в своих «Четырех квартетах» писал⁹:

Time present and time past
Are both perhaps present in time future
And time future contained in time past.
If all time is eternally present
All time is unredeemable.

Вспоминая эти строки, современный автор и блогер Джози Холфорд, дала им новую интерпретацию¹⁰:

Преступление настоящее и преступление
прошлое —
Оба, возможно, присутствуют в преступлении
будущем,
А будущее преступление содержится
в преступлении прошлом.
Если все преступления вечно присутствуют,
Все преступления невообразимы*.

Crime present and crime past
Are both perhaps present in crime future,
And crime future contained in crime past.
If all crime is eternally present
All crime is inconceivable.

* Варианты перевода последнего слова: «непостижимы», «немыслимы», «необычайны»

Эти словесные «упражнения» интересны не только с литературной точки зрения, они подчеркнута криминологичны, описывая необычайное и непостижимое количество преступлений, с которым сталкивается общество и которые ему необходимо осмыслить, учитывая множество подходов к пониманию того, что является или должно являться преступным.

В самом простом и распространенном понимании преступность — это то, на что реально реагирует государство посредством действующего уголовного закона. Подключение темпорального понятия памяти дает возможность рассматривать преступность уже как совокупность общественно опасных деяний, в отношении которых действующий закон в принципе требует уголовно-правовой реакции. Подключение же темпорального понятия прогноза позволяет говорить о преступности как о совокупности деяний, на которые общество и государство потенциально должно реагировать посредством идеального уголовного закона.

Осознание объема преступности в такой ее многокомпонентной трактовке выводит на зна-

чимые криминологические рассуждения. Преступность предстает перед нами не как нечто, с чем криминолог, правоприменитель или политик работают сейчас, в настоящий момент; это то, с чем они должны работать, учитывая память о преступности и потенциально опасные деяния. Сводя воедино онтологическое и социально-конструктивистское понимание преступности, такой взгляд на преступность как феномен, содержащий следы прошлых деяний и зачатки будущих, открывает новые перспективы в криминологической и уголовно-правовой политике.

Структура преступности

Структура преступности — один из ее показателей, демонстрирующих отношение между различными видами преступлений внутри их общего массива. Как и любой иной показатель, структура преступности не является неподвижной во времени.

Наиболее общим количественным измерителем темпоральных изменений структуры

⁸ Мы готовы заранее принести извинения уважаемым коллегам, если неадекватно интерпретировали их суждения и дали им превратное истолкование.

⁹ См.: Элиот Т. С. Полые люди. СПб.: Кристалл, 2000.

¹⁰ Holford J. Crime Past, Crime Present, and Crime Future // URL: <https://www.josieholford.com/crime/> (дата обращения: 10.11.2023).

преступности выступает коэффициент структурного сдвига преступности. Рассчитав его для показателей структуры преступности в период с 1987 по 2004 г., Л. В. Кондратюк и В. С. Овчинский установили, например, факт существенного изменения в структуре российской преступности с 1987 по 1992 г., по итогам которого значение данного коэффициента составило 6,5. «Структура действительно эволюционировала на новый качественный уровень. Причем начиная с 1994 г. и до настоящего времени структурные флуктуации сравнительно незначительны (в пределах $5,0 \pm 0,8$)»¹¹. Продолжив расчеты

авторов с использованием данных о структуре преступности в 2022 г., можно говорить о том, что зафиксированный сдвиг сохраняется (коэффициент структурного сдвига в 2022 г. по отношению к 1987 г. составил 5,5).

Это не значит, разумеется, что с 1992 г. структура преступности не меняется. Сравнивая структуру преступности, определяемую на основании градации преступлений, установленной УК РФ в 1997 и 2022 г., можно зафиксировать сдвиги, пусть и не столь явно выраженные, как в предшествовавший период (см. таблицу).

Структурные сдвиги зарегистрированной преступности

Количество преступлений	1997			2022		
Всего	2 397 311			1 966 795		
Всего без учета преступлений против собственности	967 162			797 300		
По видам преступлений	Кол-во	Уд. вес в общем массиве	Уд. вес без учета преступлений против собственности	Кол-во	Уд. вес в общем массиве	Уд. вес без учета преступлений против собственности
Преступления против жизни и здоровья	268 780	11,2	27,8	150 485	7,7	18,9
Преступления против свободы, чести и достоинства личности	8 258	0,3	0,9	1 866	0,1	0,2
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	15 620	0,7	1,6	19 256	1,0	2,4
Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина	3 471	0,1	0,4	9 387	0,5	1,2
Преступления против семьи и несовершеннолетних	66 501	2,8	6,9	59 093	3,0	7,4
Преступления против собственности	1 424 149	59,4		1 169 495	59,5	

¹¹ Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. М. : Норма, 2008. С. 140.

Структура преступности определялась авторами в 4 укрупненных группах преступлений: а) преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности; б) преступления против собственности; в) хозяйственные и должностные преступления; г) преступления против общественной безопасности, порядка и здоровья населения.

Количество преступлений	1997			2022		
Преступления в сфере экономической деятельности	61 689	2,6	6,4	42 636	2,2	5,3
Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях	1 336	0,1	0,1	2 082	0,1	0,3
Преступления против общественной безопасности	190 690	8,0	19,7	59 688	3,0	7,5
Преступления против здоровья населения и общественной нравственности	186 882	7,8	19,3	183 127	9,3	23,0
Экологические преступления	6 971	0,3	0,7	19 070	1,0	2,4
Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	50 845	2,1	5,3	79 377	4,0	10,0
Преступления в сфере компьютерной информации	33	0,0	0,0	10 027	0,5	1,3
Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	22	0,0	0,0	1 363	0,1	0,2
Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	18 068	0,8	0,9	29 799	1,5	3,7
Преступления против правосудия	6 566	0,3	0,7	21 068	1,1	2,6
Преступления против порядка управления	85 706	3,6	8,9	107 678	5,5	13,5

Расчеты показывают, что коэффициент структурного сдвига преступности в 2022 г. по отношению к 1997 г. составил 1,1, то есть в целом структура практически не изменилась. Однако надо учесть довлеющий и почти неизменный во времени удельный вес преступлений против собственности, который существенно искажает сведения о структурной эволюции. Если определить коэффициент структурного сдвига преступности, исключив из расчетов данные о преступлениях против собственности, то его

показатель составит уже вполне ощутимые 2,9. Следовательно, за пределами массива преступлений против собственности, оставшегося стабильным, в структуре российской преступности произошли вполне существенные сдвиги (в том числе заметное на фоне сокращения преступлений против личности увеличение удельного веса транспортных преступлений, а также преступлений против порядка управления, правосудия, государственной власти и безопасности государства).

Формула коэффициента структурного сдвига преступности позволяет не только отследить изменения конфигурации общей преступности. Она может (и должна) использоваться для оценки структурных изменений каждого отдельного вида преступности (например, структурные сдвиги подростковой или организованной преступности) или массива отдельных преступлений (например, убийств, хищений).

Криминологическая наука всегда внимательно следит за движением структуры преступности. Однако наблюдения по большей части связаны с эмпирической характеристикой изменений, подробным исчислением темпов роста, удельного веса, коэффициентов, процентов и пр. Криминологии в данном случае несколько недостает теоретических обобщений и теоретической программы для оценки структурных изменений преступности. Самый общий призыв к работе в данном направлении озвучил М. П. Клейменов. Справедливо признавая, что на каждом этапе развития общества и государства преступность имеет свою специфику, собственную «физиономию», он пишет: «Преступность в России 1960, 1990 и 2000-х гг. настолько разнится по качественным и количественным параметрам, что в объяснении нуждаются скорее общие признаки, а не различия»¹².

Разворачивая эту короткую формулу, дополнительно отметим:

— количественные изменения в структуре преступности и ее отдельных видов отражают динамику ее общественной опасности, свидетельствуют о наличии или об отсутствии внутренних, качественных отличий современной преступности от преступности прошлых времен;

— оценка структурных изменений преступности и на этой основе оценка ее меняющейся опасности требуют не просто подключения категории «время» (с точки зрения «было — стало»), но и содержательного соотношения структурных компонентов преступности с такими временными формами, как прошлое, настоящее и будущее;

— важно выяснить, что в структуре современной преступности может быть оценено как

наследие прошлых времен, остается ли это наследие неизменным или меняется, и если да, то как; что в преступности можно отнести на счет особенностей, вызванных исключительно текущим моментом; что из современной специфики сохранится в будущем; какие потенциально новые виды преступного поведения зарождаются в текущий момент;

— такая темпоральная оценка структуры преступности должна получить объяснение; важно не только установить факты наследования и изменения, но и представить причины, по которым они имеют место; описать механизм наследственности и изменчивости; объяснить, почему какие-то компоненты структуры остаются стабильными на протяжении многих лет (а порой и веков), тогда как иные меняются, резко или плавно, или исчезают вовсе.

Не в наших возможностях описать все структурные сдвиги преступности и представить все компоненты ее прошлого в текущем состоянии. Обратим внимание только на следующее. Большая часть всех регистрируемых сегодня преступлений (от 50 до 60 %) приходится на группу преступлений против собственности. В советский период этот показатель, по данным В. В. Лунеева, колебался в пределах от 20–22 до 55–60 %¹³. В пореформенной России середины XIX столетия удельный вес преступлений против собственности также находился на уровне 55–65 %¹⁴. При некоторых отклонениях (порой существенных) нельзя не заметить, что посягательства на собственность составляют подавляющее большинство в структуре преступности на протяжении веков, да и в целом экономическая (имущественная) направленность криминального поведения выступает доминантой преступности в целом. Довлеющий удельный вес преступлений против собственности можно отнести к числу наследуемых признаков преступности, постоянно и устойчиво воспроизводимому «прошлому».

Аналогичный вывод напрашивается при анализе удельного веса насильственной преступности. Разумеется, он меняется со временем. Однако, как показывают относительно долгие наблюдения, «удельный вес регистрируемого

¹² Клейменов М. П. Криминология. С. 45.

¹³ Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М. : Норма, 1999. С. 242–255.

¹⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 90.

“классического” преступного насилия (умышленного убийства, изнасилования и различных видов телесных повреждений) в структуре преступности СССР и России не превышал 4–6 %. Даже во время особого разгула насилия в России... оно составило 5,8 %»¹⁵. В наши дни, по данным 2022 г., — 5,6 %.

Столь же стабильна и доля преступлений против государственной безопасности, на протяжении длительного срока наблюдения не превышающая в структуре преступности 1–2 %.

Можно, не боясь совершить грубую ошибку, признать, что в целом в структуре преступности есть весьма устойчивое во времени ядро, состоящее из этих трех видов преступных посягательств, которые в сумме составляют от 50 до 70 %. С начала прошлого столетия за ними закрепилось наименование «основных», «традиционных», «ядерных», «обычных» преступлений. «Отличительная черта такой преступности — это отсутствие непосредственной связи с исполнением ролей в социальных организациях. В самом общем виде можно сказать, что совершение подобного преступления чаще всего свидетельствует о несоциализированности или антисоциальности индивида, его испорченных отношениях с обществом, а насилие, воровство и обман составляют как бы исчерпывающий репертуар, “типовой набор” для выражения отрицательного отношения к общественным ценностям»¹⁶.

Остальной массив преступности — содержательно более подвижен и более зависим от законодательной позиции в части криминализации опасных деяний. Он в большей степени отражает процесс «отмирания» одних форм преступного поведения и «рождения» его новых видов, как писал В. В. Лунеев¹⁷.

Анализ структуры преступности с позиций времени, с одной стороны, не выявляет каких-то новых экстраординарных фактов. Ситуация, в принципе, известная, причем известная в силу своей устойчивости. Однако, как представляется, она недооценена в теоретическом плане. По крайней мере, несколько значимых методологических замечаний к оптимизации криминологических исследований из нее вытекают:

— во-первых, при всем том, что понятия «стабильной» и «вариативной» части преступ-

ности сами по себе нуждаются в дополнительном уточнении, анализ структуры преступности всегда должен включать в себя их соотношение, подвижки в котором могут свидетельствовать как о глубинных, фундаментальных сдвигах в структуре преступности, так и об уровне (объеме, интенсивности, репрессивности) нормативного регулирования в обществе;

— во-вторых, всегда необходимо дифференцированное исследование структуры «стабильной» и «вариативной» части преступности, причем как в общем плане (например, соотношение имущественных и насильственных преступлений), так и более детально (например, изменения в характеристиках преступлений против собственности), а также дифференцированный анализ динамики этих компонентов структуры преступности;

— в-третьих, что особенно важно, необходимо найти ответ на простой вопрос: почему, несмотря на кардинальные различия в уровне жизни, уровне имущественного расслоения, уровне безработицы, уровне производства, объеме национального богатства и пр., то есть несмотря на все движения в комплексе факторов, традиционно относимых к группе криминальных детерминант, преступность, во-первых, стабильно остается преимущественно «общеуголовной корыстной преступностью», а во-вторых, эта «стабильность» выражается в более или менее устойчивых 50 %;

— в-четвертых, следует, вероятно, как и в ситуации с анализом изменений тенденций количественного роста или сокращения преступности, различать факторы, детерминирующие преступность, и факторы, способствующие сохранению или изменению ее структуры;

— в-пятых, устойчивость «стабильной» части преступности предрасполагает к обсуждению вопросов о связи структуры преступного поведения со структурой социального поведения в целом. Структура социального поведения остается не вполне ясной. В числе его видов выделяют экономическое, в том числе финансовое, кредитное, поведение, демографическое, религиозное, электоральное поведение и т.д. Однако нам не удалось найти обобщающих исследований этих видов поведения именно с точки зрения структурирования объема социального

¹⁵ Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М. : Спарк, 1997. С. 23–24.

¹⁶ Курс советской криминологии : Предупреждение преступности / под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. М. : Юридическая литература, 1986. С. 176–177.

¹⁷ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Т. 1. Кн. 2. С. 9–10.

поведения. Вместе с тем не лишено оснований предположение о том, что между структурой социального и преступного поведения имеются некоторые связи, которые определяются в том числе и господствующими в обществе социальными ценностями и установками, трансформации которых могут влиять на структуру преступности;

— в-шестых, внимательный анализ структуры и содержания «вариативной» части преступности содержит в себе возможности для лучшего прогнозирования новых видов преступности, поскольку именно в области вариативного легко различимы уже сложившиеся или складывающиеся тенденции опасного поведения и характер правовой реакции на него со стороны государства.

Последствия преступности

Опасность преступности, как известно, определяется не только объемом и структурой, но и ее социальными последствиями. Эти последствия для более полного охвата и учета целесообразно дифференцировать на осязаемые (физические, материальные, организационные и пр.) и неосязаемые (социально-психологические), которые проявляют себя в виде общественных представлений о преступности и ее физических, материальных и т.д. последствиях. «Представление о преступности, сложившееся у отдельного человека, — точно пишет Д. Гарофало, — состоит из ряда элементов: масштаб преступности (как текущий, так и изменившийся уровень в районе, во всем городе и различных его частях, в штате и в стране), характер преступности (относительные пропорции различных видов преступлений и количество связанного с ними насилия), характеристики правонарушителей и жертв (физические, психологические и социальные), а также последствия преступления (травмы, финансовые потери и стигматизация)»¹⁸.

Привычный взгляд на социальные последствия как на всю совокупность последовательно развивающихся и причинно связанных с преступностью негативных изменений, ощущаемых обществом, также может быть углублен и уточнен за счет подключения возможностей их темпоральной оценки.

С этой точки зрения верно говорить о том, что в каждый момент последствия преступности как социальная и социально-психологическая реальность имеют несколько проявлений:

— во-первых, мы переживаем последствия совершаемых преступлений в режиме «здесь и сейчас». Во времени они неотделимы от преступных деяний, хотя бы потому, что именно наличие опасных последствий в виде изменения охраняемых законом общественных отношений выступает краеугольным камнем в понимании общественной опасности как ключевого признака преступления (нет опасных последствий — нет преступления);

— во-вторых, мы продолжаем ощущать негативные последствия ранее совершенных преступных деяний. На индивидуальном и коллективном уровнях эти последствия прошлого ощущаются как: а) сохраняющаяся невосполнимая утрата какого-либо блага (здоровья, культурных ценностей и т.д.); б) связанное с этим уменьшение возможностей для удовлетворения потребностей (ограниченная трудоспособность, мобильность и пр.); в) память о ранее пережитом лично или другими людьми преступлении (память о войне, о геноциде и т.д.);

— в-третьих, учитывая память о ранее совершенных преступлениях и восприятие текущей преступности, мы предвосхищаем возможные в будущем последствия возможных преступлений, что порождает состояние страха перед преступностью¹⁹.

К этим последствиям следует добавить и то, что именуется в науке «ценой преступности» и представляет собой траты общества, обусловленные самим наличием преступности и необходимостью противодействовать ей. С точки

¹⁸ См. об этом: *Garofalo J.* The Fear of Crime: Causes and Consequences // *Journal of criminal law & criminology*. 1981. Vol. 72. No. 2. P. 839–857.

¹⁹ Признавая наличие тесной связи между страхом перед преступностью и ее реальным состоянием, стоит учитывать результаты исследований, доказывающих, что такой страх определяется также факторами социальной и физической уязвимости потенциальных жертв (см.: *Rader N. E., Cossman J. S., Porter J. R.* Fear of crime and vulnerability: Using a national sample of Americans to examine two competing paradigms // *Journal of Criminal Justice*. 2012. Vol. 40. No. 2. P. 134–141), а равно характером вмешательства полиции в криминальные и криминогенные ситуации (см.: *Hinkle C., Weisburd D.* The irony of broken windows

зрения категории «время» эта «цена» складывается из нескольких компонентов:

— во-первых, это расходы на текущие преступления в виде сумм, потребляемых системой уголовного правосудия;

— во-вторых, расходы на «прошлые» преступления в виде сумм, которые государство и общество тратит на пенитенциарные и постпенитенциарные программы, причем это не единовременные расходы, а скорее счета, которые налогоплательщики должны оплачивать год за годом;

— в-третьих, это расходы (их можно назвать страховкой или инвестициями — в зависимости от подхода) государства и общества на предотвращение еще не совершенных преступлений и снижение криминальных рисков.

Многие показатели последствий и цены преступности могут быть оценены в денежном выражении. Последние исследования показывают, например, что бюджетные расходы на контроль преступности в 2021 г. составили примерно 1,1 % ВВП. При этом, по мнению авторов исследования, наивная оценка стоимости преступности через расходы государства на поддержание правопорядка занижена как минимум вдвое, поскольку не учитывает компенсирующее виктимизацию изменение дохода домохозяйств, общая стоимость которого оценивается в 1,3 % ВВП. Итого совокупная оценка с учетом одновременно расходов бюджета и стоимости преступности для общества составляет 2,4 % ВВП. Не менее заметны издержки общества от страха стать жертвой преступления; они оцениваются уже в 5,2 % ВВП²⁰.

Суммы последствий и цены впечатляют. Однако значимая их дифференциация по видам остается не соотносительной с фактором времени производимых затрат и времени ущерба, равно как остаются непроясненными соотношения и зависимости между отдельными видами последствий. В самом первом приближении должно быть очевидно, что большее число совершаемых преступлений требует больше текущих трат, а больший страх перед преступностью требует больших страховых и инвестиционных выплат. Равно как уменьшение объема осязаемых последствий текущей преступности спо-

собствует уменьшению страха перед преступностью будущего.

Однако характер этой связи и ее значение как для детерминации, так и для предупреждения преступности остаются не до конца понятными. Каково соотношение государственных расходов на прошлое преступности (исполнение наказаний) и ее будущее (профилактика преступлений)? Какова эффективность расходов на профилактику преступности с точки зрения сокращения расходов на текущие правоприменительные нужды, связанные с осуществлением уголовного правосудия в отношении совершенных преступных деяний? Насколько страх перед будущей преступностью сокращает возможности граждан по удовлетворению своих потребностей и пользованию социальными благами? Эти и иные вопросы крайне важны для понимания темпорального соотношения последствий преступности, для организации криминологической и уголовно-правовой политики страны.

Отметим только один аспект содержательной связи прошлого и будущего в контексте анализа социальных последствий преступности — их криминогенное значение. Эта проблема восходит к известным представлениям о самодетерминации преступности, а также к рассуждениям о профилактическом значении ресоциализации преступников и жертв преступлений. Однако заявленная в качестве самостоятельного предмета анализа, она акцентирует внимание на содержательной связи прошлых и грядущих событий и процессов в криминальной сфере и тем самым приобретает новое звучание, открывает новые перспективы. Такая связь может проявлять себя (неисчерпывающим образом):

— как криминогенный стимул (например, когда одно преступление влечет за собой иные коррупционные и должностные преступления, обеспечивающие состояние безответственности виновных);

— как криминогенный мотив (когда озлобленность жертвы порождает мстительную мотивацию преступного поведения);

— как объективное условие для формирования криминогенного мотива (например, если

policing: A micro-place study of the relationship between disorder, focused police crackdowns and fear of crime // *Journal of Criminal Justice*. 2008. Vol. 36. No. 6. P. 503–512).

²⁰ Жижин Л. А., Кнорре А. В., Кучаков Р. К., Скугаревский Д. А. Издержки российского общества от преступности: измерение с помощью компенсирующего изменения дохода // *Прикладная эконометрика*. 2023. Т. 69. С. 91–120.

жертва преступления начинает использовать свое положение для неправомерного извлечения преимуществ из своего статуса путем мошеннических или иных махинаций);

— как фактор вторичной виктимизации жертв первоначальных преступлений;

— как социально-психологический фон, создаваемый коллективной памятью о прошлых преступлениях.

Порочный круг детерминации новых преступлений последствиями ранее совершенных преступлений может существовать в вечности, тем более в силу неведения. Государство должно вмешиваться в это «колесо сансары», осознавая и сам факт его наличия, и механизмы воспроизводства.

Заключение

Использование методологических возможностей исторической криминологии в познании традиционных характеристик преступности — ее объема и структуры — дает возможность уточнить и пополнить наши представления о ней. В частности, уже они позволяют установить, что:

— механизмы «государственной памяти» о ранее совершенных и оставшихся скрытыми преступлениях обеспечивают кумулятивные свойства преступности, тогда как механизмы «государственного забывания» позволяют корректировать объемы преступных деяний, требующих государственной реакции;

— в структуре преступности имеется существенное по объему (от 50 до 70 %) ядро наследуемых и слаботрансформируемых форм преступной деятельности, причины сохранения которых вне зависимости от меняющихся социальных условий требуют самостоятельного исследования и реагирования;

— структурная эволюция преступности требует дифференцированной оценки ее «стабильной» и «вариативной» части, а также специальной оценки изменения в соотношении этих компонентов массива преступности;

— важным пунктом соединения прошлого и будущего преступности выступают криминальные свойства социальных последствий преступности, исследование механизма реализации которых предоставляет новые возможности в организации профилактики преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсукова Т. И. Социальная память и время : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1991. 24 с.
- Жижин Л. А., Кнорре А. В., Кучаков Р. К., Скугаревский Д. А. Издержки российского общества от преступности: измерение с помощью компенсирующего изменения дохода // Прикладная эконометрика. 2023. Т. 69. С. 91–120.
- Иншаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1 (16). С. 107–130.
- Клейменов М. П. Криминология : учебник. М. : Норма, 2018. 399 с.
- Клейменов М. П. Снижается ли преступность в России? // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 1 (54). С. 157–162.
- Клейменов М. П. Феномен нераскрытой преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 1 (34). С. 173–179.
- Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. М. : Норма, 2008. 271 с.
- Курс советской криминологии : Предупреждение преступности / под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. М. : Юридическая литература, 1986. 350 с.
- Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1 : Общая часть : в 3 кн. Кн. 2. М. : Юрайт, 2020. 292 с.
- Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М. : Норма, 1999. 516 с.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 566 с.
- Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М. : Спарк, 1997. 138 с.

Шестаков Д. А. Криминология : Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. 561 с.

Шнайдер Г. Й. Криминология / пер. с нем. Ю. А. Неподаева ; под ред. Л. О. Иванова. М. : Прогресс, 1994. 501 с.

Garofalo J. The Fear of Crime: Causes and Consequences // *Journal of criminal law & criminology*. 1981. Vol. 72. No. 2. P. 839–857.

Hinkle C., Weisburd D. The irony of broken windows policing: A micro-place study of the relationship between disorder, focused police crackdowns and fear of crime // *Journal of Criminal Justice*. 2008. Vol. 36. No. 6. P. 503–512.

Rader N. E., Cossman J. S., Porter J. R. Fear of crime and vulnerability: Using a national sample of Americans to examine two competing paradigms // *Journal of Criminal Justice*. 2012. Vol. 40. No. 2. P. 134–141.

REFERENCES

Barsukova TI. Social memory and time. Cand. Sci. (Philosophy) Author's Abstract. Rostov-on-Don; 1991. (In Russ.).

Garofalo J. The Fear of Crime: Causes and Consequences. *Journal of criminal law & criminology*. 1981;72(2):839–857.

Hinkle C, Weisburd D. The irony of broken windows policing: A micro-place study of the relationship between disorder, focused police crackdowns and fear of crime. *Journal of Criminal Justice*. 2008;36(6):503–512.

Inshakov SM. Latent crime as an object of research. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2009;1(16):107–130. (In Russ.).

Kleimenov MP. Criminology. Moscow: Norma Publ.; 2018. (In Russ.).

Kleimenov MP. Is crime decreasing in Russia? *Herald of Omsk University. The series «Law»*. 2018;1(54):157–162. (In Russ.).

Kleimenov MP. The phenomenon of unsolved crime. *Herald of Omsk University. The series «Law»*. 2013;1(34):173–179. (In Russ.).

Kondratyuk LV, Ovchinsky VS, Goryanova KK (ed.). Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).

Kudryavtsev VN, Karpets II, Korobeynikov VV (eds.). The course of Soviet criminology: Crime Prevention. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1986. (In Russ.).

Kudryavtsev VN, Naumova AV (eds). Violent crime. Moscow: Spark Publ.; 1997. (In Russ.).

Luneev VV. Crime of the 20th century: global, regional and Russian trends. World criminological analysis. Moscow: Norma Publ.; 1999. (In Russ.).

Luneev VV. The course of world and Russian criminology. In 2 vols. Vol. 1: General part: In 3 books. Book 2. Moscow: Yurait Publ.; 2020. (In Russ.).

Mironov BN. The Social history of Russia during the Empire period (18th — early 20th century). The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law. In 2 vols. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ.; 1999. (In Russ.).

Rader NE, Cossman JS, Porter JR. Fear of crime and vulnerability: Using a national sample of Americans to examine two competing paradigms. *Journal of Criminal Justice*. 2012;40(2):134–141.

Schneider GY, Ivanov LO (eds). Criminology. Tr. from Germ. by Nepodaev YuA. Moscow: Progress Publ.; 1994. (In Russ.).

Shestakov DA. Criminology: New approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. Countering crime in a changing world. 2nd ed. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press; 2006. (In Russ.).

Zhizhin LA, Knorre AV, Kuchakov RK, Skugarevskiy DA. Cost of crime in Russia: a compensating variation approach. *Applied Econometrics*. 2023;69:91–120. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаев Михаил Матвеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
д. 25, стр. 1, Поварская ул., г. Москва 121069, Российская Федерация
babaevmm@yandex.ru

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
11081975@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail M. Babaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation; Chief Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
babaevmm@yandex.ru

Yuriy E. Pudovochkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
11081975@list.ru

*Материал поступил в редакцию 11 декабря 2023 г.
Статья получена после рецензирования 14 декабря 2023 г.
Принята к печати 12 февраля 2024 г.*

*Received 11.12.2023.
Revised 14.12.2023.
Accepted 12.02.2024.*